

О. И. Кулиев*

ХАРАКТЕР ПРОЯВЛЕНИЯ «СМЕШНОГО» В ЭКЗЕГЕЗЕ ОРИГЕНА**

В статье рассматриваются экзегетические построения Оригена, в которых присутствуют элементы смеховой культуры (сарказм, ирония, игра слов и т. п.). На примере «Толкований на Евангелие от Иоанна» показано, что Ориген находит в Ветхом и Новом Заветах ряд сюжетов, на первый взгляд никак не связанных со «смешным», однако приобретающих такой характер в результате слишком прямого, или буквального, толкования. Можно сказать, что Ориген пользуется особым экзегетическим приемом: он деконструирует исходный текст, показывая, что буквальное понимание приводит к нелепице и абсурду, делает авторитетный текст смешным и заставляет усомниться в компетентности автора.

Ключевые слова: экзегеза, буквализм, аллегория, ирония, полемика.

O. I. Kuliev

THE PHENOMENON OF "RIDICULOUS" IN ORIGEN'S EXEGESIS

The article examines Origen's exegetical constructions, which contain elements of "laughter culture" (sarcasm, irony, wordplay, etc.). On the example of "Interpretations the Gospel of John" it is shown that Origen finds in the Old and New Testaments a number of episodes that, at first glance, have nothing to do with the "ridiculous" but they acquire such quality as a result of too direct or literal interpretation. It can be said that Origen uses a special exegetical technique: he deconstructs the original text, showing that literal understanding leads to absurdity, makes an authoritative text ridiculous and casts doubt on the author's competence.

Keywords: exegesis, literalism, allegory, irony, polemic.

В статье рассматривается возможность нахождения элементов смехового/игрового дискурса в экзегетической практике Оригена. Такая возможность

---

* Кулиев Олег Игоревич, кандидат философских наук, сотрудник научного отдела Русской христианской гуманитарной академии; olegkuliev@mail.ru

** Статья подготовлена при поддержке РФФИ: проект № 19-011-00749 «Символ на границе между смешным и серьёзным в византийской экзегетике».

открывается в рамках разработанного во второй половине прошлого века «гипотетического подхода» к творчеству Оригена, согласно которому решающим мотивом в нем было сопоставление различных точек зрения, или равноправных гипотез, которые по ходу работы верифицируются посредством тщательного разработанного герменевтического метода [5; 6]. Таким образом, на первый план выходит именно полемический характер комментариев Оригена к Писанию [7], что позволяет предполагать в них наличие элементов смеховой культуры (ирония, сатира и т. п.), свойственных некоторым видам полемики. Однако прежде кажется важным, опираясь на тексты, определить возможное понимание феномена «смешного» самим Оригеном, что позволило бы не просто перечислять те или иные его проявления, но распределить их в некоей системе координат для понимания их роли в общей структуре герменевтики Оригена.

В качестве материала для анализа в статье взят текст «Толкований на Евангелие от Иоанна» (см.: [1; 2]). Мы находим в нем только два случая, когда комментируемый отрывок включает в себя производные от слова «смех»: это осмеяние Иисуса незадолго до распятия (Мф. 27, 29) и стих, встречающийся только в Септуагинте (Иов. 40, 14), где речь идет о смехе ангелов. Развернутый анализ последнего случая позволяет разглядеть общий контур мысли Оригена: есть смех, направленный на высшее и вызванный непониманием (случай элинов (Цельс) или гностиков (Гераклеон)) или закостенелостью мысли (иудеи, буквалисты). Это целиком ложный смех, которому противопоставлен единственно легитимный — смех ангелов над существами, «вылепленными на посмеяние». Слово «вылепленный» (πλάσμα) понимается Оригеном не как указание материальной природы (в этом месте комментария специально проводится различие сотворенного и вылепленного), но как маркер определенного состояния ума (нуса), сознательно отвернувшегося от созерцания высшего начала. В таком случае он затемняет в себе природу Слова («через Которое все произошло») и становится фальшивкой, подделкой (одно из значений πλάσμα), достойной осмеяния.

Обозначив границы понимания «смешного», можно перейти к рассмотрению его функции в общей экзегетической стратегии Оригена. Ключевой процедурой, задающей форму и содержание комментариев, является построение герменевтического ряда, смысловой конструкции, призванной прояснить смысл толкуемого стиха. Ряд — это совокупность «фактов», призванных оттенить толкуемый фрагмент. Фактом может быть свидетельство Писания, свидетельство истории, наконец, просто оправданный логически, грамматически или исторически объект, некая возможная, с точки зрения комментатора, ситуация. Будучи сопоставлены, члены ряда обретают смысл, которого они лишены по отдельности, или, что вернее, который прежде не мог быть им приписан однозначно. Основанием ряда может быть что угодно: время, когда происходит некое событие, место, где оно происходит; в другом случае таким основанием может быть использование в толкуемом тексте того или иного предлога, той или иной синтаксической конструкции, и тогда членами ряда являются остальные места того же текста, где используются данные предлоги и конструкции. Иными словами, ряд задан произвольно и всякий раз служит определенной цели экзегета. Что касается использования в рамках данной

процедуры оппозиции серьезное/смешное, то, на наш взгляд, она проявляется в трех основных формах, зависящих от характера полемики, и предстает поразному в случае, когда оппонент — язычник, иначе — когда он гетеродокс, и по-другому, когда возражать приходится так называемому «простецу», т. е. христианину, слепо доверяющему «букве» Писания.

Полемика с язычниками, находящимися на совершенно иной мыслительной платформе, осуществляется чаще всего средствами риторики, смеховой элемент проявляет себя здесь в виде сатиры, намеренного преувеличения или преуменьшения, режущего глаз противопоставления и других, прежде всего, риторических фигур, призванных опровергнуть мнение противника [4]. Примером преимущественно такой формы является трактат «Против Цельса». Иной, и в философском плане более содержательной, представляется дискуссия с «внутренним» противником, с буквалистами и гностиками. Здесь смешное проявляет себя в значительно более тонких формах иронии, не призванных однозначно разрушить позицию оппонента, но, скорее, расшатать, чтобы вывить в них устойчивое и отбросить лишнее [3].

Прежде всего, в качестве предмета анализа берется критика буквалистского подхода, который Ориген называет «старушечьим» и связывает со свойственной иудеям приверженностью к «букве» Писания, или, в терминологии Оригена, к «истории». Соглашаясь признать буквальный смысл толкуемого фрагмента, Ориген привлекает вспомогательный материал (строит герменевтический ряд), в результате чего исходная гипотеза предстает абсурдной, нелепой, т. е., в конечном счете, смешной. Это сведение к абсурду призвано помочь буквалисту вырваться из плена «истории» и признать необходимость символического понимания текста. Предметом необходимого переосмысления может быть как то, что в авторитетном тексте представляется буквалисту серьезным, так и смешное или игровое в нем (опять же с точки зрения буквалиста). Примером здесь будет толкование Оригеном истории о постройке храма (3Цар. 6, 1–5) и сюжет об изгнании торговцев из храма (Ин. 2, 14–17), а также встреча толпою Иисуса, въезжающего в Иерусалим (Мф. 21, 8), и сюжет об омывании ног (1Тим. 5, 10). Во всех этих случаях Ориген как бы развивает мысль оппонента, доводя ее до логического завершения и показывая, как серьезное превращается при буквальном прочтении в свою противоположность. Очень важно подчеркнуть, что необходимость перевода в символический план, основанная на невозможности принять нелепицу в авторитетном тексте, мыслится Оригеном как замысел автора Писания. Иными словами, не комментатор искусственно моделирует здесь смешное, но эта авторская интенция изначально присутствует в тексте, однако в скрытом виде.

Наконец, более сложной представляется структура опровержения мнения оппонента в случае спора с гностиками, в данном случае, с Гераклеоном — представителем школы Валентина, активно использующим символический метод толкования. Предметом «осмеяния» становится уже не нарратив, а тонкие духовные построения противника, которые не вправе именоваться «анагогиями» в собственном смысле, т. е. возвышенными толкованиями. Им недостает для этого, как ни странно, именно исторического разыскания, т. е. элемента, излишняя приверженность которому была предметом иронии в случае буквалистов.

Теперь же, напротив, Ориген задействует метод «исторической грамматики», чтобы показать несостоятельность и абсурдность аллегорических толкований противника. Ориген вновь строит герменевтический ряд, анализ которого позволяет ему назвать толкование противника «натужным», «насильственным» и высказанным «вопреки здравому смыслу».

Обобщая, можно сказать, что толкования противников становятся предметом иронии Оригена в силу их несоответствия ключевым принципам экзегезы: принципам единства, богодухновенности и непогрешимости Писания. Таким образом, дискурс смешного привлекается Оригеном в тех случаях, когда это представляется способом или привести толкование в соответствие с этими принципами, или, напротив, показать его несоответствие им.

ЛИТЕРАТУРА

1. Origenes Werke. Bd. 4: Der Johanneskommentar / hrsg. von E. Preuschen. — Leipzig, 1903.
2. Ориген. Толкования на Евангелие от Иоанна / пер. О. И. Кулиева. — СПб.: Изд-во РХГА, 2018.
3. Лосев А. Ф., Шестаков В. П. Ирония // История эстетических категорий. М.: Искусство, 1965.
4. Лебедев Н. И. Сочинения Оригена против Цельса. Опыт исследования по истории литературной борьбы христианства с язычеством. — М.: Тип. Каткова, 1878.
5. Серёгин А. В. Гипотеза множественности миров в трактате Оригена «О началах». — М.: ИФ РАН, 2005.
6. Crouzel H. Origène et philosophie. — Paris, 1962.
7. Hanson R. P. S. Allegory and Event / with an introduction by J. W. Trigg.— London, 2002.